

начинает занимать особенно заметное место только с конца XIV в., в устном эпосе, отражая действительные настроения трудового народа, оформилась значительно раньше.

Своеобразие родственного устному эпосу способа отражения исторической действительности XIV—XV вв., в отличие от проникнутого религиозной историософией ее истолкования, может быть прослежено на различных литературных передачах темы Куликовской победы.

Огромное историческое значение одержанной над полчищами Мама в 1380 г. победы надолго сделало тему Куликовской битвы актуальной в русской литературе. Однако качество возникших на эту тему литературных произведений ни в историческом, ни в художественном отношении не равноценно.

Есть основание думать, что немедленно после самого события о нем сложились и официальные донесения, закрепившие основные факты (движение войск к Куликову полю, их предводители, расположение на месте битвы, ход сражения, имена убитых и т. д.), и народные предания, в которых факты эпически обрабатывались, украшались поэтическими подробностями, но сохранялась народная оценка и участников битвы и значения самой победы. На этой основе слагались затем с конца XIV в. литературные повести, дошедшие до нас в своем большинстве уже в позднейших переделках. В так называемой „летописной“ повести „О Донском бою“ исторический рассказ был доработан автором в направлении религиозного осмысления всех событий. Гиперболизм в его изложении — агиографического характера, нравов учения подкрепляются цитатами „от писания“, и в этом потоке ссылок на небесную помощь теряется настоящая роль русского войска в величайшей победе, одержанной на Куликовом поле.

В духе религиозной историософии дорабатывалась в течение XV и XVI вв. и та повесть, которая легла в основу сохранившихся редакций Сказания о Мамаевом побоище. Через близкую по времени к самому событию повесть в эти редакции вошло немало и таких подробностей исторических фактов, имен, которые незнакомы даже имеющимся документам, однако весь этот богатый и исторически верный материал авторы подали читателю в определенном освещении: „как возвыси господь род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство... как сотвори господь волю боящихся его“. „Попущением божиим, а научением диаволи“ пошел Мамай разорять „православную веру христианскую“, „но того не разуме нечестивый“, что „не до конца прогневаецца господь, ни в веки враждует“, как это было, когда он допустил Батю разорить Русскую землю. Мамай задумал окончательно покорить Русь и „тихо и безмятежно“ зажить в ее „красных“ городах, „а не ведый, бог дает власть, ему же хочет“. Мамай забыл, что „господь гордым противится, а смиренным дает благодать“. Таким „смирненным“ изображается Дмитрий Московский. Каждый шаг его на пути к полю битвы отмечен усердной молитвой,